
О детской лжи

Ложь как парочитое искажение истины

Ложь есть раздвоение, дисгармония в человеке; лжец делает одно, а говорит другое; утверждает, что нечто истина, и в то же время сам сознает, что это нечто не истина. Состояние раздвоенности, внутренней дисгармонии не из приятных. Человек по природе есть органически цельное существо, без трещин, без надломов, он любит единство мысли и деятельности, направление своих сил в одну сторону. Всякое колебание, раздвоение, ложь ему не по сердцу, так как подобные состояния вносят тревогу и смуту в душу, ослабляют силы человека, заставляя его жить двойною жизнью; настоящею и мнимую, делать и лгать, а вместе бояться изобличения. Лгун постоянно носит маску, а хорошая маска требует весьма большого труда, чтобы плотно ее приладить, чтобы из за нее не выглядывало настоящее лицо. Закоренелый лгун вечный актер, непрерывно, без отдыха играющий роль.

Происхождение лжи

Очевидно, лживость не может быть первоначальным состоянием человека. Естественный человек прост, доверчив, непосредствен, не обманывает ни себя, ни других; он живет исключительно в сфере действительных фактов, всякие выдумки ему чужды, мир лжи и фантазии ему неизвестен. Он знает только то, что есть и было, — последнее, впрочем, плохо, — и совсем не подозревает о существовании никогда не бывшего — мира выдумки, искусства, мечты, лжи. Нужно некоторое развитие ума, чтобы оторваться от действительности и создать другой мир, в котором не сущее изображается сущим. Поэтому как первобытному человеку, так и детям ложь на первых порах бывает совершенно чужда, они ее не знают и не понимают, они не могут себе представить этого состояния раздвоения человека, причин, его вызывающих, оно им неприятно. К чему какой-то искусственный, фальшивый, придуманный мир, когда и действительный мир так велик и прекрасен? Поэтому же и первобытные люди и дети на первых порах крайне доверчивы, каждое слово, каждое обещание, каждое утверждение принимают они за несомненную истину, верят всему. Обмануть их не стоит никакого труда, так как они еще не знают и не понимают обмана, не подозревают, что он существует, что можно говорить ложь, что можно обещать и не исполнять. Лгать приучаются первобытные люди от более просвещенных, дети

от взрослых, и те и другие проходят науку лжи.

Прежде чем исследовать происхождение и развитие лжи у детей, мы должны остановиться на таких, довольно разнообразных состояниях детской души, когда дитя, не думая лгать и, может быть, даже не зная лжи, является в глазах взрослых несомненным лжецом. Эти состояния мнимой детской лживости, которые и родителям и воспитателям нужно хорошо отличать от настоящей детской лжи.

«Мнимая ложь» — не ложь

Дети довольно медленно изучают речь взрослых, с трудом входя в ее условия и правила, в ее рамки. В детском языке много бывает своих собственных слов, чуждых языку взрослых; слова из речи взрослых дети нередко понимают по-своему, придавая им несколько иное значение; правильно склонять и спрягать, а равно сочетать слова дети долгое время не умеют, делая множество ошибок во всех этих отношениях; времена, залоги, наклонения — все это дается детям с трудом. Дитя очень похоже на иностранца, приучающегося говорить на новом языке: оно говорит неточно, непонятно, многое перевирает и искажает, совершенно не замечая этого и стремясь совершенно искренно к полной точности.

Когда дитя, находящееся в периоде изучения речи, передает какие-либо факты, свидетелем которых оно было, оно может многое передать неверно, может много налгать, по недостаточному знанию языка, не умея правильно выбирать слова и соединять их. Взрослому, присутствовавшему при тех же фактах, оно может показаться бессовестным лгуном, искажителем истины, а между тем ничего подобного нет: дитя просто еще не овладело в достаточной степени языком взрослых, не умеет хорошо говорить, и потому ошибается в выборе, изменении и сочетании слов.

Например, ребенок сообщает вам: «сегодня я ел яблоки». По исследовании может оказаться, что сегодня он не ел, а ел вчера или третьего дня. Но в утверждении ребенка лжи нет, так как он еще не различает хорошо между сегодня, вчера и третьего дня. Ребенку сказали: сегодня пойдем гулять, если будет хорошая погода». Несмотря на дурную погоду, ребенок может требовать прогулки, так как он не понял поставленного условия и вся фраза представляется ему прямым положительным обещанием, что сегодня с ним пойдут гулять. Маленький ребенок в своем рассказе легко превратит копейки в рубли, аршины в сажени и версты, фунты в пуды и обратно, так как не знает точного значения всех таких слов. С виду он будет ужасно врать, но на самом деле вранья в его рассказах не будет.

Дети впечатлительны, на них сильно действуют такие впечатления, к которым взрослый уже привык и почти не за-

Впечатлительность

мечает их. Таким образом отношение взрослых и детей к одним и тем же впечатлениям будет неодинаково: страшное для ребенка не страшно взрослому и наоборот. К тому же, дитя не может еще правильно оценивать явления, их значение, их влияние на собственное положение и положение других. Будучи само маленьким, слабым, зависимым, дитя естественно преувеличивает в своем представлении значение в размере вещей, действительно превосходящих его силы значительно, но вообще довольно незначительных.

Отличительные свойства детства неизбежно влекут большую или меньшую неправильность в усвоении впечатлений, недостаток объективности, примесь личного чувства, вследствие чего предметы уменьшаются, увеличиваются и связываются не так в представлении, как они связаны в действительности. Удивляться этим недостаткам детского усвоения нечего, так как у взрослых встречаются те же недостатки, и в весьма значительной степени. Строго объективное наблюдение, без всяких прикрас, без искажения действительности — дело очень трудное, даже ученые исследователи, несмотря подчас на искренние и серьезные усилия избавиться от субъективизма, искажают свои наблюдения пред взятыми идеями и разными специальными точками зрения. Где же ждать объективной точности наблюдений от детей!

Гиперболизация в основе детского восприятия

Известен общепризнанный факт, что в детстве нам все кажется большим: речка, пруд, в которых мы купались, представляются нам большими рекой и прудом; здания, в которых мы бывали в детстве, вспоминаются обширными, высокими и даже грандиозными; лес, лежавший возле того места, в котором протекло наше детство, густым, громадным, страшным и т.д. Когда же мы взрослыми приезжаем на родину после долгого отсутствия, тогда мы поражаемся более чем скромными размерами того, что в детстве казалось столь большим, и испытываем полное разочарование. Нас как будто кто-то обманул, кто то подменил вашу родину, или произвел в ней чудодейственную перемену. А между тем никто вас не обманывал, мы сами себя обманули, сами изменились: детство глядит другими глазами на окружающее, чем зрелый возраст.

Одна девушка, в детстве увезенная от бабушки, сохранила о ней такое живое воспоминание, что, вернувшись лет через 20, издали сразу признала ее между другими старухами, хотя не видела все время и портрета ее. Когда же старушка встала, то приехавшая девушка была поражена, увидев женщину очень маленького роста. В памяти ее сохранился образ женщины высокого роста.

Один пунктуальный немец-гувернер педантически донимал своего пятилетнего питомца, зачем тот солгал, уверяя, что его папа очень, очень большого роста, между тем как на самом деле отец был ниже среднего роста. Доставалось бедному ребенку и за упрямство, и за ложь, и за неуважение к гувернеру. А ребенок признавал, хотя с большой неохотой, что такой-то дядя больше папы, но ни за что не хотел поступиться своим убеждением, что папа большой. И это не только потому, что действительно считал его большим, но еще и потому, что, по детскому разумению, эпитет «маленький» признавал крайне оскорбительным для отца. Следовательно, пунктуальный гувернер насиловал его совесть, требуя от него того, что он считал неправдой и обидой отцу.

Сновидения и действительность

Есть еще одна весьма важная особенность детства, которая дает часто повод считать детей лгунами, когда они и не намереваются лгать, именно отсутствие точного и строгого разграничения между различными классами представлений. Взрослый, по большей части, очень хорошо различает между сновидениями и действительностью, между своими живыми, но фантастическими представлениями и образами действительных предметов, вообще между внутренним субъективным, только представляемым и мыслимым миром и объективным, внешним. У детей же все эти классы представлений еще не разграничены с достаточной определенностью, часто перемешиваются, вследствие чего возникает путаница, а дитя оказывается, как будто бы, грубым лгуном. Представления детей почти столь же живы, как и ощущения. Дитя часто утверждает, что видело и слышало то, чего не могло видеть и слышать, разговаривало с такими лицами, с которыми невозможно разговаривать, например, с отсутствующими или умершими. Один мальчик часто спрашивал свою мать: «Отчего это, когда я о чем-нибудь думаю, мне все это так и представляется, точно я вижу пред собою картину?» Ввиду важности и широкого действия указываемой особенности детства, мы на ее рассмотрении несколько остановимся, приведя соответствующие факты из детской жизни.

Четырехлетнее дитя в течение целой зимы рассказывало каждому посетителю, что, будучи на даче в лесу, убило двух львов, съело их и в борьбе получило рану. Дитя было убеждено в действительности рассказываемого приключения и, в подтверждение его истинности, указывало в виде трофея шкуру зарезанной козы, служившую ковром, и царапину на ноге. Источник этой истории — прослушанная дитятей журнальная статья под заглавием «Жерар, истребитель львов». Дитя однажды вечером ознакомились со

смелыми деяниями истребителя львов и с тех пор стало рассказывать о своих подвигах со львами, так что весь его рассказ есть не что иное, как превратное воспоминание, смешение представлений двух различных порядков.

Мальчик 8 лет приводил свою мать в отчаяние постоянной ложью. Например, прибежит, весь запыхавшись, и объявит, что вблизи пожар. Все переполошатся, начнут спрашивать, где, сам ли он видел или слышал, а мальчик с широко открытыми глазами уверяет, что сам видел дым, бегущих и т.д. Между тем все дело было в том, что мимо окон пробежали два человека. Любопытный ребенок спросил их, куда они бегут. Те не ответили и махнули рукой. В одно мгновение в голове мальчика мелькнула мысль о пожаре, а воображение дополнило остальное. Он тотчас же побежал сообщить обо всем старшим и во время рассказа уже окончательно убедился, что видел дым и пожарных. Часто он пугал мать, внезапно вбегая в комнату с криком: «Мама, Вера ушиблась, кровь так и льет». И обыкновенно оказывалось, по проверке, что хотя Вера и ушиблась, но крови не было. Мальчик был невыносим своими выдумками, но сам страшно конфузился, когда его рассказы оказывались ложными, и обещал более не выдумывать. Мать всеми мерами старалась отучить его от привычки рассказывать, не разузнав предварительно, в чем дело, но все ее усилия были тщетны. Наконец, она напала на мысль систематически останавливать его рассказы в самом начале, тем и охлаждала его пылкую фантазию.

Еще один факт. Один трехлетний ребенок с очень живой фантазией уверял всех, что, гуляя по Адмиралтейской площади в Петербурге зимой, видел за решеткой кусты с большими розовыми и белыми цветами. В прогулку, о которой он рассказывал, он видел цветочный магазин и в окне его — кадки с камелиями. Мать ребенка, остановившись поговорить со встретившимися знакомыми, не заметила цветочного магазина и потому была вполне убеждена, что он выдумывает. Между тем в голове ребенка воспоминание о действительно виденных зимой в магазине цветах сочеталось с представлением о решетке сада, возле которой он любил гулять. Получилась таким образом ложь, хотя ребенок и не думал лгать.

Пока такого рода факты касаются только детей и не задевают никого из посторонних, то они представляют лишь предмет психологического исследования; но случается, что указанная черта детства бывает причиной весьма сложных и печальных историй, вызывающих не только психологическое, но и судебное расследование, именно когда дети, перемешав различные классы своих представлений,

неправильно обвиняют кого-либо в совершении преступления, искренно веря своему обвинению. Подобные судебные процессы бывали не один раз, и чтобы распутать такое обвинение, приходилось употреблять весьма большие усилия и хлопоты*.

Наконец, последний вид мнимой детской лжи есть выдумки и фантазии детей в играх. В играх дети очень много сочиняют и сочиненное выдают за действительное: измышляют никогда не существовавших лиц, длинные ряды событий и приключений с ними, создают соответствующую обстановку, ведут от имени измышленных лиц продолжительные разговоры, и т.д. В этом случае в противоположность другим, ранее приведенным, дети очень хорошо сознают, что они выдумывают, что в действительности ничего такого нет и не было; но они не желают никого вводить в заблуждение. На вопросы: да разве это возможно? Да разве это правда? — дети прямо отвечают, что они только играют и очень хорошо понимают фактическую несостоятельность своих измышлений. Следовательно, в детских измышлениях при игре нужно видеть не ложь, а упражнение в творчестве, работу детской фантазии, подобную работе беллетриста.

Настоящая ложь.

Первая ступень лживости

Ложь как стремление обмануть.
Первая ступень лживости

Почему дети лгут сознательно, намеренно? Каков источник детской лжи?

Ложь, как выражающая состояние раздвоения, дисгармонии в человеке, неприятна. Чем цельнее, искреннее, чище в нравственном отношении человек, тем неприятнее для него ложь. Если же, тем не менее, дети лгут, то, очевидно, удовольствие, доставляемое им ложью, приобретаемое с ее помощью, гораздо больше той неприятности, которая возникает от состояния раздвоенности. Удовольствие от лжи с лихвой покрывает неудовольствие от нее. Поэтому дитя лжет; а если бы было не так, т.е. если бы удовольствие от лжи было менее неудовольствия от нее, то ложь была бы невозможна и не существовала бы.

Первые случаи детской лжи

Присматриваясь к самым первым случаям детской лжи, мы постоянно встречаем одно и то же явление ребенок испытывает какое-либо удовольствие, ему воспрещается это удовольствие; желая продолжить его, ребенок пользуется

* Несколько таких случаев проанализировано нами в ст. «Вымысел и действительность». См. «Воспитание и обучение», 1892 г. №№ 7—8.

запретным плодом тайком, при отсутствии надзора со стороны взрослых. На вопрос: пользовался ли он воспрещенным удовольствием, ребенок, опасаясь лишиться приятного состояния в будущем, отвечает отрицательно, т.е. лжет.

Вот что рассказывает одна мать (г-жа Свентицкая) в вехенном ею дневнике о первой лжи ее девочки, случившейся на третьем году жизни. «Дала я ей крендель и сказала, что им можно только играть, а есть нельзя. Сначала она действительно только играла им, а потом стала есть. Я отняла крендель, она заплакала и стала просить назад, уверяя, что есть больше не будет. Я отдала. Вскоре я заметила, что девочка как-то украдкой поглядывает на меня и старается запрятаться в угол. Я перестала смотреть на нее, и когда, несколько минут спустя, взглянула, она стояла в углу лицом к стене и ела крендель. Я подозвала ее и спросила: «Ела крендель?» — «Нет». Я спрашивала несколько раз, уговаривала и просила сказать правду; она продолжала говорить: «Нет, не ела». «А как ты ела крендель?» — спросила я. — «Вот так». — «Так ты его ела?» — «Да». Бранить я ее не стала, но дала опять целый и опять повторила, что есть его нельзя. «Если будешь кушать, я возьму у тебя крендель». Она тотчас стала искать то место, где было откушено, и, не найдя его, осталась очень недовольна и просила дать ей другой крендель, тот, «который кушала Маня». Я не дала, она опять стала ковырять крендель и есть. Тогда я отняла его и, несмотря на ее горький плач, опять уже не дала его, а заняла другим и довольно скоро успокоила. Этот случай, — прибавляет мать, — меня удивил и очень огорчил. Откуда явилась ложь?».*

Нас этот случай детской лжи несколько не удивляет, — источник ее слишком ясен. Мать, может быть и не намеренно, произвела нравственный эксперимент над своей маленькой дочкой, обставив его весьма соблазнительно для ребенка. Она дала ребенку играть — какую же игрушку? Крендель. Но ведь кренделями не играют, кренделя едят. Превращение кренделя в игрушку было явным соблазном для девочки. Мать прямо искушала добродетель девочки: вот тебе съедобная вкусная вещь: играй ею, смотри на нее, но зубам воли не давай. Если ребенок был несколько голоден, то устоять в добродетели ему было крайне трудно; если же он был сыт, то мать поддразнила его своим запретом: играть — играй, а есть — не ешь. Мать сама напомнила о еде; положим, она запретила есть, да и есть не хочется, но крендель-то очень близко, и он, по прежним опы-

* «Воспитание и обучение». 1892 г. № 9.

там, вкусен. Девочка не выдержала искушения и сейчас же согрешила.

Мать не ограничилась этим экспериментом, но продолжала его дальше. Крендель снова отдан девочке с прежним наказом — не есть, и когда девочка явно обнаруживает стремление совершить снова прегрешение, мать отвертывается в сторону, перестает смотреть на дочку несколько минут, так сказать, лишает ее своей нравственной поддержки в ее борьбе, в ее затруднительном положении. Девочка, конечно, начинает есть крендель. Мать ее допрашивает, девочка лжет. У нее не хватило мужества сказать правду сразу. Но когда мать поймала ее хитро для девочки поставленным вопросом («как ты ела крендель?»), девочка призналась. Кажется, было ясно, что добродетель девочки не в состоянии преодолеть поставленного соблазна, но матери показалось этого мало. Она в третий раз начала искушать девочку кренделем, и девочка согрешила в третий раз.

Мы несколько остановились на этом случае первой лжи девочки, потому что он показывает, что иногда сами родители если не побуждают детей ко лжи, то создают для нее благоприятные случаи своим, не совсем правильным, отношением к детям. Нужно помнить, что от детей нельзя требовать какого-либо нравственного совершенства, что как малы их силы физические, так равно малы и их духовные, нравственные силы. Искушать дитя в видах развития его стойкости в добре, если и можно, то с большою осторожностью, испытание должно быть строго соразмерено с наличными силами, чего мы в исследованном случае не находим.

Другие случаи первоначальной детской лжи такого же характера, все они возникают из стремления продолжить какое-либо запрещенное удовольствие, попользоваться сладким запретным плодом. Плод этот весьма разнообразен, но вообще представляет какое-либо удовольствие, приятно действующее на вкус, осязание, зрение, слух, вообще дающее приятное внешнее возбуждение. Пэрэ рассказывает, что один двухлетний мальчик забавлялся приготовлением смеси из золы и слюны. Отец заметил это и запретил продолжение забавы. Мальчик был опечален таким запрещением. Он посмотрел в глаза отцу и спросил: «Скажи, папаша, когда ты уйдешь?» У отца в это время на голове была шляпа, под мышкою зонтик, и вообще отец готов был уйти. «Зачем ты меня спрашиваешь? Верно, опять хочешь начать свою пачкательню?» — «Да, папаша». Другой мальчик того же возраста часто задавал отцу подобный же вопрос и в тех же видах, чтобы беспрепятственно предаться любимой забаве. «Когда ты уйдешь?» — спрашивал ребенок, а иногда говорил: «Не смотри на меня, не надо на меня смотреть».

Ложь — как результат стремления
продолжить удовольствие

В двух последних приведенных фактах официальной, так сказать, лжи, на словах, еще не последовало, но она близка, а фактически уже сделана: запрещение не исполняется за глазами. Пусть отец думает, что его требование не нарушается; на самом же деле оно нарушается. Фактически отец обманут, остается еще только один шаг — обмануть его и словесным заявлением, т.е. солгать ему, что, конечно, не замедлит случиться.

Подобная ложь и по тому же самому мотиву может быть замечена и ранее двух лет, у детей, еще не умеющих порядочно говорить. Одна наблюдательница, г-жа Цебрикова, изображает такую сцену: годовалый ребенок знает, что ему запрещено брать карманные отцовские часы. Его не бьют, не бранят, поймав с часами, но тихо возьмут их и положат на место. Искушение держать в руках блестящую вещь и слышать тиканье так сильно, что он забывает запрещение. Он ловит минуту, когда няня уходит, карабкается на стул, берет часы, подносит к уху. За дверью слышны шаги; ребенок поспешно кладет часы на место, сползает со стула и, схватив какую-нибудь игрушку, делает вид, будто занимался ею и ничего запрещенного не делал. Но по его лицу няня догадывается, что он провинился в чем-нибудь, и говорит: «Васенька, брал часы?». — «Н-н-н-не!» — энергически протестует, мотая головой, ребенок, не умеющий еще выговорить слово нет. В семье, где об его лжи не станут рассказывать, как о забавной штучке, доказывающей смышленность, где он не видит примеров систематического лганья и обмана, он, замечая что ложь его не ведет ни к чему, вскоре, вместо своего н-н-н-н е, станет выкрикивать: «бо-не-бу», т.е. больше не буду.

Ложь из-за стремления продолжить удовольствие

Все приведенные случаи детской лжи однородны, все они имеют своей побудительной причиной стремление ребенка пользоваться запрещенным ему удовольствием. Так как удовольствие ему запрещено, то он пользуется им тайно и таким образом, фактически лжет своим родителям; а если они вздумают его спросить: пользовался ли он в их отсутствие запретным плодом, то он фактическую ложь подтвердит и словесною ложью, отрицая то, что сделано им очень недавно.

Это первая ступень детской лживости, первоначальная ложь. Она очень проста, груба, шита белыми нитками и заключается в прямом отрицании легко устанавливаемого факта. Ума, искусства в ней нет. Такая ложь есть удел малых детей, открыть ее и обличить весьма не трудно. Наблюдательная няня легко разберет ее. Дальнейшее свое развитие и более сложные формы детская ложь получает под влиянием страха и увеличивающейся сообразительности дитяти.

Вторая ступень лживости

Вторая ступень лживости

К сожалению, чувство страха есть одно из главнейших оснований современного воспитания. В семье дитя боится родителей и старших членов, в школе боится учителей и начальства; кроме того, боится темноты, зверей, воды, кладбища и мертвых, разных выдуманных сказочных существ. Ими его пугают, пугают наказаниями родителей, школьными взысканиями. Дитя трепещет, оно — частая и легкая добыча страха; что ни шаг, то кого-нибудь и чего-нибудь да боится.

Страх как причина детской лжи

Страх — неприятное, тяжелое чувство. Оно заключается в предвкушении будущего страдания, и это предвкушение нередко бывает более мучительным состоянием, чем самое настоящее страдание. А между тем все живые существа стараются избежать угрожающих им страданий всякими способами — таков закон природы. Дети также. Одно из средств избавиться страдания от людей — ложь. «Ложь — конь во спасение». Развитие лживости в детях прямо пропорционально степени страха, возбуждаемого взрослыми, количеству в суровости наказаниями, которыми они угрожают детям. Нигде дети столько не лгут, как в семьях, в которых суровая строгость служит основой воспитания. Чем жесточе и обильнее наказание, тем больше совершенно органического стремления увернуться от него, схитрить, солгать и тем спасти свою шкуру. Голод, как известно, научает калачи есть; страх изоцряет ум во лжи.

Одна наблюдательница, г-жа Цебрикова, сообщает, что один добрый, неглупый и строгой честности человек, сильно сломанный жизнью женился на куколке, пленившей его своей красотой и простодушием. Куколка имела свой идеал мужа — любезного кавалера, не знающего другой цели в жизни, как веселить жену. Обманувшись в своих надеждах, она стала бояться мужа, хотя тот не делал никаких сцен, не стеснял ее, насколько позволяли средства, но только хмурился и молчал. Она передала свой страх детям, которые еще не умея говорить, понимали, что появление отца пугает мать. Каждый, видевший в первый раз эту семью, мог думать, что отец страшный деспот и тиран. Чуть раздавались его шаги, детская болтовня смолкала, детские занятия, игры, если в них было что-либо необычное, прекращались, хотя бы сами по себе они были совершенно невинны. Между матерью и детьми установился невысказанный, но неизменно соблюдавшийся договор — скрывать все от отца, обманывать его на каждом шагу. «Ты пел, Ваня?» — спросит его отец. Голос его мягок, а лицо, как всегда, серьезно и с оттенком печали. Ваня начинает

божиться и клясться, что не пел, а папе слышалось, или пел кто-нибудь на улице. Отец начинает уговаривать его, а Ваня, видя перепуганное лицо матери, разразится таким отчаянным плачем, как будто его собираются резать. Человеку, присмотревшемуся к семье, страх детей перед отцом и система организованной лжи, опутывавшей и его, и детей, казались совершенно необъяснимыми.

Эти дикие и нелепые отношения изменились, благодаря десятилетнему ребенку. Из деревни привезли племянника отца в гимназию, а жить мальчик остался у дяди. Он был лет на пять и более старше детей дяди и, конечно, стал для них авторитетом. Мальчик был живой и бойкий, вообще не трусливого десятка; а сверх того, по исконному обычаю всех детей *пробовать* старших, он с первых дней начал проделывать с дядей шутки, приводившие в ужас детей. Дядя отнесся к шуткам очень добродушно, ограничивая их, когда они заходили чересчур далеко, и дети мало-помалу убедились, что отец вовсе не страшилище. Пример двоюродного брата подзадоривал их на шалости и на откровенное сознание в них. «Ну, чего вы трусите?» — говорил им их авторитет, а года через два пятилетняя крошка заметила матери: «Ну, чего ты все трусишь папы? Он добрый». Пропал у детей страх, исчезла и ложь, так огорчавшая отца и с которой он никак не мог прежде справиться.

Чтобы воочию наблюдать, какую уйм^у детской лжи порождает страх, нужно разыскать семью, в которой страх — основа воспитания и школы, также утвердившую свои порядки на страхе. И то, и другое найти нетрудно. Из такой семьи дети посещают так же организованную школу. Получается груда систематической и утонченной лжи: в семье дети лгут про школу, выдумывая небылицы про учителей и начальство, а в школе лгут на семью, рассказывая о ее небывалых требованиях и порядках. Дети купаются в двух потоках лжи и им, кажется, совсем не остается времени, чтобы быть самими собой, истинными, а не поддельными детьми.

Конечно, такая сложная и систематическая ложь требует некоторой доли ума, сметливости, находчивости, выдержки. Ребенок тупой и недогадливый не может долго выдержать такой сети лжи, она у него сразу прорвется в нескольких местах. А опытные, смелые и умелые лгуны тянут свой обман месяцы и даже годы, причем идут на подделку документов, на фабрикацию ложных свидетельств, отпусков, отметок и пр. Без ума и значительной ловкости врать много и правдоподобно нельзя, поэтому широкое развитие лживости в дитяте непременно предполагает немалую ступень умственного развития.

Ребенок не должен находиться в состоянии страха

Когда под влиянием страха человек выдумывает какую-либо ложь, хотя бы искусную и тонкую, тогда его задача собственно проста. Вопрос поставлен прямо и решительно и нужно так или иначе разрешить его. Совсем другое дело, когда вопрос не стоит так прямо, когда к человеку надобно подойти осторожно, издалека, опутать его целою сетью разнообразной лжи и в заключение извлечь из него нужную личную пользу. Такое поведение требует большой проницательности, тонкого распознавания людей, громадной выдержки. Это достигается подлаживанием к личностям, мнимым увлечениям их взглядами, убеждениями, сочувствием к их слабостям, превознесением их достоинств и заслуг и т.п. Подлаживание составляет третью ступень в развитии детской лживости.

Третья ступень лживости

Приспособительное поведение, подлаживание — источник детской лжи

Подлаживание есть один из основных источников лжи взрослых. Едва ли нужно говорить о том, как часто в жизни встречается этот вид лжи. Карьера очень многих людей основывается на подлаживании: иной человек только то и делает, что приспособляется то к одному начальству, то к другому, то к такому влиятельному лицу или направлению, или органу, то к другому. Таких-то подлаживающихся и приспособляющихся и имеет в виду и пословица, когда говорит, что «ласковое теля двух маток сосет».

У детей этот источник лжи также встречается и притом в весьма различных формах: самых простых и весьма сложных. Когда ребенок, попавшийся на пользовании запретным удовольствием, под влиянием укоров говорит: «бо не бу», т.е. больше не буду, то тут он дает обещание прилаживаться. Собственно запрещение удовольствия он признает актом неблагоразумным и даже нелепым, но так как взрослый поддерживает свое запрещение разными неприятными мерами, то ребенок, внутренне не убежденный в целесообразности действий взрослого, обещает подладиться к нему и не нарушать запрещения. Двухлетнего ребенка застали на месте преступления: спрятавшись за шкаф, он ел ложкой варенье из банок. «Федюша! И тебе не стыдно?» — «Нет». — «А когда же тебе будет стыдно?» — «Завтра». Затем отдал ложку и ушел совершенно спокойно и равнодушно. Очевидно, процесс подлаживания у Федюши был еще очень слаб.

С возрастом этот процесс усиливается, выражаясь то в более грубых, то в более утонченных формах. Одного мальчика, вернувшегося из поездки домой, мать спросила: «Кому ты

больше всех обрадовался из домашних?» Мальчик довольно долго подумал, а потом ответил: «Насте и Любе» (его сестры). Случившаяся тут знакомая восьмилетняя девочка воскликнула: «Ах, какой ты Миша! Надо больше всех обрадоваться дедушке и бабушке, а не сестрицам!».

Каждый, конечно, наблюдал, что дети подлаживаются под тон и вкусы родителей: повторяют их суждения и взгляды, как бы от себя интересуются как бы искренно тем, чем интересуются родители, словом, с небольшими изменениями копируют своих родителей, не в силу подражания, не искренно, увлекаясь родительскими взглядами и интересами, а фальшиво, нарочно, с целью обмануть родителей и добиться от них одобрения или какой-либо выгоды. Нередко дети льстят родителям, играют на их слабых струнках; чтобы получить желаемое удовольствие, ласкаются к ним, говорят: какая ты, мама, добрая, красивая и т.п., и далеко не всегда искренно.

Словом, ложь от подлаживания есть ложь политическая, а политика, как известно, искусство многоумное. Но зато между детьми можно отыскать своего рода Маккиавели и Бисмарков.

К этой же ступени развития лживости следует отнести и ложь преимущественно интеллектуального характера и интереса, когда она задумывается и выполняется не ради какой-либо более или менее существенной выгоды, как то бывает при подлаживании, а ради теоретического эффекта, простого, собственно бескорыстного, стремления ввести в обман других, одурачить их и в то же время блеснуть своим остроумием и изобретательностью. В этой лжи сравнительно мало эгоизма, но много теоретического творчества, выдумки, находчивости.

Вот в пояснение этого вида лжи факт. В 1886 году в Париже, в квартале la Chapelle произошло большое волнение умов вследствие болтовни 8-летней девочки, Берты, посещавшей школу. Она рассказывала своим подругам, что ее отец, поденщик, 5—6 дней тому назад принес к себе домой труп, таскал его затем по улицам и бросил в канал, а она со свечою в руках шла впереди и светила отцу. Скоро эта история облетела весь квартал; слухи дошли до полиции в было наряжено следствие. При расследовании этого дела обнаружилась выдумка девочки, так как на вопросы полицейского комиссара она лукаво отвечала, что выдумала историю с трупом, чтобы одурачить своих глупых подруг, и что когда она говорила о трупе, то, разумела труп собаки, а не человека. Таким образом шустрой девочке удалось одурачить не только подруг, но и взрослых своих родственников, весь околоток и даже полицию.

По обилию интеллектуальных элементов этот теоретический вид лжи не уступит лжи практической, возникающей при подлаживании. У взрослых этот вид лжи выражается, между прочим, хвастовством; у детей также встречается хвастовство, но у них чаще теоретическая ложь есть результат простой погони за мимолетным эффектом. Взволновать, напугать, смутить, обмануть и поставить в тупик — вот к чему стремится маленький лжец-теоретик. Но, конечно, и у них их я нередко занимает более видное место в теоретической лжи, когда детское самолюбие задается чувствительно. Тогда дитя начинает отчаянно лгать, несмотря на частые изобличения: оно уверяет, что читало такую-то книгу, знакомо с тем-то, видело то-то. Оно само замечает, что дело плохо, верят мало, и лжет не совсем охотно; но подстрекнутое самолюбие не позволяет ограничиться рамками действительности, и дитя постоянно переходит ее. Хотя на минуту оно ослепит других, поддержит себя, привлечет к себе всеобщее внимание и похвалу, а там, когда расследуют дело, будь что будет, может быть, провал с треском, а может быть, и не расследуют, не заметят лжи, и дело как-нибудь обойдется.

Четвертая ступень лживости

Притворные детские болезни

Высшую ступень детской лживости составляют притворные детские болезни, когда дети, будучи совершенно здоровыми, притворяются страдающими разными болезнями для достижения какой-либо, им желательной, цели.

Трудно точно определить, как часто между детьми встречается рассматриваемое явление. Во всяком случае оно не редкость, его наблюдают очень часто. Врачи, обращавшие специальное внимание на этот предмет, утверждают, что притворные детские болезни можно наблюдать ежедневно, особенно у городских детей. Деревенские дети менее подвержены притворству, у них нет к тому ни достаточно сильных побуждений, ни соответствующих наблюдений, ни искусства. Городская жизнь с ее сложными условиями и множеством разнообразных, манящих и раздражающих детей, впечатлений — удобная почва для всякого рода комедиантских действий детей, в частности и для изображения из себя мнимобольного.

Возраст, с которого дети начинают притворяться больными, по-видимому, не может быть особенно ранним, так как для сносного изображения себя больным требуются многие условия: соответствующие отчетливые и правильные наблюдения течения болезни, ее внешних проявлений, значительная выдержка в игрании роли, что часто соединяет-

ся с терпеливым перенесением разных неприятностей, и, наконец, некоторая доля актерского таланта. Поэтому до 5—6 лет мнимобольных между детьми почти совсем не встречается, хотя отдельные случаи притворства наблюдались и за четырехлетними. Наиболее часто притворные детские болезни встречаются в возрасте от 11 до 15 лет, с 15 же лет их число значительно уменьшается*.

Кто более склонен изображать из себя мнимобольного — мальчики или девочки? Кажется, пальма первенства в этом случае принадлежит девочкам. Некоторые наблюдатели признают их более склонными к притворству и ко лжи, нежели мальчиков. Французский исследователь Дюфестель говорит, что он наблюдал 79 случаев притворных детских болезней; из них на долю девочек пришлось 49, а на долю мальчиков 30 случаев. Другой исследователь, изучивший 14 случаев детских притворных болезней, между мальчиками нашел только два случая, все же прочие приходились на долю девочек. Конечно, эта статистика крайне скудна, но она не в пользу девочек.

Притворные детские болезни весьма разнообразны, их список длинен. Дети притворяются страдающими головными болями, нервным, умственным расстройством (не много случаев), расстройством зрения, косоглазием, болезнями слуха, потерю голоса, немотой, хромотой, икотой, рвотой, эпилепсией, болезнями кожи и т.д. Степень искусства, обнаруживаемого детьми в притворных болезнях, весьма различна. Очень часто притворство бывает весьма поверхностным и грубым, так что вводит в обман лишь незнакомых с медициною лиц, например, родителей, причиняя им серьезное беспокойство; врач же очень скоро и легко распознает притворную болезнь и, конечно, быстро ее излечивает. Но не редки случаи, когда дитя притворяется настолько искусно, что обманывает врача, который и принимает мнимобольного за истинно страдающего. И этот обман происходит не в течение одного дня, одного или двух визитов, но в течение целых недель, а иногда и месяцев, так что врач становится совершенно в тупик: болезнь такая-то, а некоторых характеризующих ее признаков нет. А бывает и так, что мнимобольной попадает в больницу, подвергается наблюдению и ис-

* Случай притворной болезни в четыре года был с девочкой. Девочка была очень живая, бойкая и ловкая. Особенными дурными качествами она не отличалась, хотя и была несколько испорчена. Чтобы попугать свою мать, очень впечатлительную особу, она не раз пряталась. Девочку никогда не наказывали. Притворство девочки заключалось в том, что она без видимой причины падала на пол и оставалась без движения минут пять. Конечно, все собиравшись с тревогой около нее, а девочка по прошествии некоторого времени, громко смеялась. Такой фокус девочка проделала с успехом два раза. После второго раза ее порядком наказали, и с того времени девочка более не проделывала этой штуки.

следованию целого синклита врачей и обманывает целую больницу. Иногда врачи разделяются на два лагеря: одни утверждают, что данное лицо мнимобольное, а другие — что это самый настоященный больной. Большого искусства от детей в притворстве, если они обманывают целый синклит врачей, и требовать нельзя; они оказываются очень хорошими актерами.

Девочка восьми лет притворилась немой и в течение пяти месяцев не сказала ни слова. Все ее товарки и подруги крайне сожалели о ее несчастье. По доставлении ее в больницу осматривавший мнимобольную доктор, найдя ее совершенно здоровой, не встречая признаков, которыми сопровождается немота, заподозрил девочку в притворстве, но старался сначала отогнать от себя эту мысль, так как девочка целые пять месяцев не сказала ни одного слова. Дальнейшие наблюдения, однако, убедили врача в справедливости его предложения, и ему удалось изобличить девочку, т.е. заставить ее говорить. Мальчик, также притворявшийся немой, не говорил в течение девяти месяцев, хотя и находился постоянно в обществе детей и взрослых.

Вот очень характерный случай искусственной рвоты. Одна дама с дочерью 12 лет явилась к врачу за советом. Девочка в течение более чем пяти месяцев страдала рвотой, которая, несмотря на пользование врача, не только не прекращалась, но и не уменьшалась. Все употребленные средства не привели ни к чему. Мать рассказала, что обыкновенно рвота происходила таким образом: в конце обеда, когда последний кусок был взят, девочка бросалась из-за стола в соседнюю комнату, и ее там тошнило. Кроме этого обстоятельства, здоровье девочки было прекрасно: она была полная, лицо умное, живое и веселое, вид вообще цветущий и ни малейших признаков желудочного катарра или другой какой-либо болезни. На вопросы врача мать отвечала, что девочка не страдает рвотой после пирогов, пирожного, конфет; пить она предпочитает холодную сельтерскую воду, после которой девочку также не тошнит. На основании этих сведений врач заподозрил девочку в притворстве, и ему удалось, хотя и с большим трудом, изобличить его. Рвоту девочка производила, как оказалось, очень просто: она все ела прекрасно, но в конце еды оставляла во рту несколько пережеванных кусков и несколько жидкости, которые и извергала, представляя, что ее тошнит. Девочка исправилась*.

* Этот и другие вышеприведенные случаи детской лжи заимствованы из сочинения Дюфестеля (Dufestel) «Des Maladies simulées chez les enfants». Paris 1888. См. еще по этому вопросу X гл. в «L'Hygiène à l'école», Collineau, Paris, 1889, снабженную указанием литературы.

Конечно, далеко не все притворщики могут так долго выдерживать свое притворство, другие бросают комедийное действо ранее. Один набалованный уступчивостью родителей мальчик не хотел ходить в школу и очень возмущался тем, что родители ему не разрешали этого. Вследствие этого он начал обнаруживать сильную раздражительность и упрямство, а потом буйство и неистовство. Сначала эти припадки заключались в том, что он вскакивал с постели, бросался на колени пред гувернанткой, обвинял ее шею руками, плакал, заикался во время разговора и наконец падал в изнеможении в постель, прося воды и говоря, что теперь припадок кончился. Со временем приступы изменились. Однажды, после хорошо проведенной ночи и после утреннего чая, мальчик начал прыгать с бешенством по комнате и сбрасывать на пол все, что было на столах, стульях и постели. Когда мать прибежала в комнату, он начал ее кусать, бить, щипать и вскарабкался на комод. Когда вбежал отец, мальчик вскочил последнему на плечи, затем бросился на пол и снова начал метаться по комнате, держа одной рукой за грудь и другой за голову. Припадок продолжался до 8 часов вечера, когда мальчик упал в изнеможении и заснул. Приглашенный врач объявил, что ребенок сошел с ума. В следующие дни припадки не ослабевали, и при этом он бранил свою мать непозволительными словами, рвал на ней платье, кусал и кричал так неистово, что слышно было в соседних домах. Измученные родители решили наконец отвезти его в больницу для умалишенных. Как только мальчик убедился, что это не угрозы, все неистовство исчезло, он сознался, что притворялся, обещал больше этого не делать, действительно сделался здоровым и снова начал посещать школу.

Причины притворных детских болезней

Каковы причины притворных детских болезней? Они обыкновенно заключаются в желании доставить себе какое-либо удовольствие, пользоваться услугами и вниманием окружающих и избежать страдания, неудовольствия, неприятной работы. Четырехлетней девочке нравилось пугать свою мать притворной болезнью, ей приятна была суетня возле нее и ради нее, и она притворялась больной. Дети часто притворяются больными, чтобы получить какую-либо вещь, хотя во временное пользование, например, понравившуюся игрушку: школьники часто разыгрывают роль больных, чтобы освободиться от трудного или скучного урока, чтобы в лазарете полениться, отдохнуть и т.п. Одна 12-летняя девочка целые полтора года прикидывалась больной каким-то припадком столбняка, подверга-

лась весьма продолжительному и разнообразному лечению, и единственно по такому поводу: она присвоила себе несколько вещей, принадлежавших другим лицам. Опасаясь, что в случай открытая обмана с ней будет поступлено строго, она напала на мысль, что ей будет оказано снисхождение, если узнают, что она сделала это во время болезни, бессознательно, и вот она настойчиво начала изображать собою больную. Девочка, притворявшаяся немой и не сказавшая ни слова в течение пяти месяцев, так объяснила цель своего притворства: она заметила, что отец ее был к ней — больной — менее строг, чем к здоровой, затем, домашние давали ей мелкие деньги и конфеты за каждое произнесенное слово, думая, что ей очень трудно и даже мучительно говорить; наконец, когда зашел вопрос о помещении ее в один госпиталь Стокгольма, она продолжала притворяться, так как ей хотелось отправиться в Стокгольм и посмотреть город.

Детская любовь ко лжи и притворству как результат отклонений в развитии личности

Есть специалисты-притворщики между детьми, которые притворяются больными не для достижения какой-либо частной приятной цели, но обманывают ради удовольствия самого обмана. Для них ложь и притворство приятны сами по себе. Это самые опасные обманщики и притворщики, так как они выдерживают приятную роль в высшей степени настойчиво и последовательно; они очень отважны, не задумываются над обманами весьма сложного и тонкого характера. Изобличить таких притворщиков трудно, они ведут свое дело искусно, ловко избегая всяких противоречий и расставленных им ловушек. Они так глубоко входят в свою роль, выполняют ее с такою искренностью, что забываются сами, и ложь у них доходит до высоты истины. Раздвоения сознания, порождаемого обыкновенно ложью, у них нет; у них, как и у не лгущих, мир и тишина в душе, единство настроения; это маленькие Хлестаковы. Появление таких субъектов подготавливается действием многих и сложных причин, главнейшая между которыми заключается в соответственных наследственных предрасположениях и воспитании.

Подводя итог указанным причинам детской лжи, мы можем сказать, что она истекает из одного общего источника: стремления доставить себе удовольствия, нередко воспрещенные, и избежать страдания. Ложь из страха, ложь от прилаживания себя к окружающим, из-за погони за эффектом, притворные детские болезни — все эти виды и ступени лжи имеют своею целью доставить лжецу побольше удовольствий и избавить его от страданий. Поэтому мы не будем говорить отдельно о некоторых частных ви-

дах детской лжи, представляющей лишь простое видоизменение основной причины и не заключающей в себе по существу ничего нового ни с психологической, ни с педагогической стороны. Такова, например, ложь, возникающая от лениости усвоения. Дитяте лень тщательно наблюдать, различать, усвоить, лень, неприятно работать — и оно допускает усвоение сбивчивое, спешное, небрежное, путаное, а отсюда ложь в передаче. Дитя сознает, что дело тут не ладно, но боится аккуратной работы. Точно так же ложь из мести, злобы, злорадства, клевета и т.п. не представляет чего-либо своеобразного и особенного по своей природе сравнительно с видами лжи, охарактеризованными ранее.

Переходим к педагогической стороне вопроса — к обсуждению средств борьбы с детской ложью.

Педагогическая борьба с детской ложью

А.

Средства борьбы с детской ложью определяются причинами ее возникновения и развития.

Что касается детской лжи, то для искоренения ее не требуется каких-то спешных мероприятий. Этот вид лжи исчезнет сам собой вместе с общим развитием и ростом дитяти. Все дело воспитателей в данном случае будет состоять в том, чтобы помогать правильному всестороннему развитию дитяти, усвоению им чистой связной речи, укреплению точной, по возможности, и беспристрастной наблюдательности, хорошему различению разных групп представлений. Как скоро такие заботы будут применены к дитяте, то не намеренная, не сознательная ложь понемножку исчезнет сама собою.

Иное дело ложь сознательная, намеренная. Сама собой она не пройдет, с ней нужно бороться. Как?

Ложь возникает вследствие желания продолжить или повторить какое либо запрещенное удовольствие. Поэтому, самая решительная мера против лжи есть воздержание от каких бы то ни было запрещений, предоставление полной и безусловной свободы детям. Тогда у детей не было бы ни малейшего повода лгать. Но такая свобода не может быть предоставлена детям: вследствие непонимания окружающих явлений, дитя, не сдерживаемое никакими запрещениями, причинит большой вред и себе, и другим: оно легко может упасть, поранить себя, испортить себе зрение, обжечься и т.д., разбить драгоценное произведение искусства, изорвать очень ценную книгу, уронить хрупкую вещь.

ную вещь и т.п. В период неразумия детей необходимо руководить ими и вместе налагать запрещения на некоторые их действия. Запрещения влекут за собой нарушения их и ложь. Следовательно нужно изыскивать меры против лжи, исходя из мысли о неизбежности запрещений.

Запреты следует регулировать

Первое, на что в этом случае приходится обратить внимание, — это необходимость значительного уменьшения числа запрещений, обыкновенно налагаемых на детей. Само собою разумеется, что запрещать дитяте можно только те действия, которые ни в каком случае не могут быть допущены, как явно вредные для дитяте и для других лиц. Количество таких действий при правильной постановке воспитания не будет значительным, потому что из обстановки дитяти тогда будет устранено все излишнее, вызывающее запрещения: в детской, в которой дитя проводит свое время, должны находиться лишь такие вещи, до которых дитя смело могло бы дотрагиваться, брать в руки, ронять, которыми оно не могло бы порезаться, придавить себя и т.д. Порядок жизни должен быть строго рассчитан применительно к потребностям ребенка, так чтобы не было серьезных поводов к недовольству им: все органические потребности дитяти должны быть своевременно и сполна удовлетворяемы. Дитя таким образом будет чувствовать себя в детской довольным, веселым и свободным, запрещения не будут тяготить над ним, задерживая его движения.

Запреты требуют серьезного отношения взрослых

На самом деле бывает не так: запрещения делаются слишком легко и щедро, тогда как на них должно быть очень скупым. Запрещая что-либо дитяте, родители предварительно не обдумывают запрещения по существу. Запрещения налагаются обыкновенно по частным поводам и обстоятельствам, последствия запрещения не предусматриваются и не взвешиваются. Между тем, при каждом поводе, вызывающем запрещение, нужно тщательно обдумать: нельзя ли обойтись без него? Запрещение есть неизбежное педагогическое зло, которого чем меньше, тем лучше. Чем больше запрещений, тем больше нарушений запрещений, тем больше лжи. Нужно помнить, что ваша цель — воспитать человека самостоятельного, искреннего, с собственным почином, а не лукавого исполнителя приказаний, постоянно готового увильнуть от ответственности, ссылаясь на давление со стороны. На детей же, ради удобства взрослых, обрушивается целая уйма запрещений, по крайней мере, раз в 20 больше следуемого. Распространяться об этом известном явлении нет нужды.

Запрещения даны, хотя бы в самом малом числе. Нужно ждать их нарушения и, как средства сокрытия преступления, лжи. Что тут делать? Нужно, прежде всего, соблюдать

два общих требования от всех, по возможности, запрещений: чтобы цель их, т.е. смысл, была понятна детям и чтобы запрещения отличались постоянством. Смысл всяких запрещений и вообще приказаний непременно нужно объяснять: воспитывают разумное существо не по началам военной дисциплины. Если нельзя объяснить смысла запрещения сполна, то нужно объяснить его хотя бы приблизительно, применительно к возрасту и разумению дитяти. Второе свойство запрещений — постоянство — понятно: изо дня в день следующие запрещения и их отмены самая губительная вещь для правильного развития воли и характера дитяти. Если запрещение дается после зрелого обдумывания, то оно не может быть скоро отменено.

Ложь — источник амбивалентных чувств ребенка

Ложь, заметили мы, как состояние раздвоенности, неприятна детям и на первых порах они чувствуют эту неприятность очень живо. Полугодовалый ребенок унес и спрятал корзинку, предмет его давних желаний; он садится поближе к матери, смирно, но не долго выдерживает свою роль. Ему хотелось быть спокойным, но внутреннее волнение мешает. Он начинает заигрывать с матерью и ласкать ее: краска в лице, выражение нужное и вместе робкое, излишек всех его движений обличают его, обнаруживают его душевную смуту, его внутреннее недовольство собой и раздвоенность. Другой ребенок берет как бы на время у чужой особы красивое опахало, потом, в надежде, что она забудет о нем, приносит ей то цветы, то старые свои игрушки и дарит их с напряженной приветливостью. Девочка трех-четырех лет находила частое употребление зубной щетки очень скучным, и однажды, когда мать спросила ее, чистила ли она зубы, ответила «да», хотя это была неправда. Мать, по обыкновению, поверила ей, но совесть сейчас же упрекнула девочку в том, что она обманула доверие матери, и она немедленно побежала в свою комнату, чтобы исполнить обязанность, которая была ей так неприятна. После этого злоупотребления материнским доверием девочка всегда его заслуживала.

Вот этого-то червячка, шевелящегося в детской душе при каждой лжи и обмане, и не нужно усыплять; напротив, его нужно возбуждать, беспокоить. Мы не то разумеем, что, замечая нелады в детской душе, подвергать ребенка длинному инквизиторскому допросу и читать назидание о непохвальности лжи и обмана, а то, чтобы мягко и осторожно выяснять причины детской тревоги и напряженного состояния и любвеобильно и кротко приходить к нему на помощь. Желаемую вещь, если возможно, нужно дать дитяте, хотя бы не в постоянное, а лишь во временное пользование, и даже под надзором взрослого. Это значительно

успокоит дитя, и оно скоро вернет ее, поиграв некоторое время. Потом матери нужно показать ребенку не словами, а делом, как ей будет неприятно, если дитя будет ее обманывать и лгать ей, что ей, напротив, доставит удовольствие, если дитя, нарушив какое-либо ее запрещение, открыто сознается в этом, что нарушение запрещения есть грех менее тяжкий, нежели сокрытие нарушения и ложь. Сердечные отношения матери к детям, господствующие в нормальной семье, любовь и доверие детей к матери и неизбежное довольно сильное неприятное чувство детей при первых опытах лжи задержат возникновение этого губительного порока в детях — лживости.

Особенно чуткими, проникательными и в то же время мягкими и нежными следует быть взрослым в отношениях к детям в случаях маленьких нравственных кризисов, сильных искушений, предстоящих детям. Ребенку нравится чужая вещь и он страстно желает приобрести ее; ему очень хочется пойти гулять туда, куда его не пускают; ему предстоит неприятная и несколько утомительная работа. *Caveant consules!* Родители и воспитатели, будьте на страже, не спускайте с ребенка глаз. В вашем дитяте неизбежно возникнет борьба между обязанностью, долгом и удовольствием, оно будет колебаться, мучиться. Поддержите дитя, не оставьте его одного одним его собственным силам в этот роковой критический момент, не будьте безучастными, холодными зрителями в начавшейся борьбе. Борьба и все дело вам могут показаться мелкими, ничтожными, но для малых, слабых детских сил они велики. Войдите в положение дитяти, обласкайте его, облегчите горечь отказа от манящего соблазнительного удовольствия, утешьте и подкрепите его силы обращением внимания на приятность победы над препятствием, на силу и святость своего, обещания, на возможность смотреть открыто и смело в глаза матери и отцу, так как ничего тайного и постыдного не сделано.

Нужно поддерживать неприятные эмоции ребенка, возникшие у него при первых опытах лжи

Повторяем: нужно поддерживать неприятное чувство детей при первых опытах лжи, а потому быть осмотрительными в тех случаях, когда дети близки к лжи, но еще прямо не лгут. Мы разумею случаи детской хитрости, нередко остроумные и вызывающее одобрение родителей, между тем как это дело довольно опасное для правдивости ребенка. Одна мать (Свентицкая) сообщает в своем дневнике: девочка моя, по третьему году, хитрит. Недавно просилась постоять в столовой во время нашего завтрака, что ей запрещается, и обещала стоять смирно, ничего не просить. Я позволила. Она постояла немного и говорит: «Мама, ты не дашь хлебца мне?» — «Ведь ты обещала не просить?» —

«Я не прошу, я только говорю, что ты не дашь хлеба...» — «Не дам». Немного погодя, опять говорит: «Мама, ты не дашь сахару?» Ей не позволено быть в той комнате, в которой мы обедаем или чай пьем, а ей хочется. Что же она делает? Она входит в комнату и заявляет: «Я пришла маму поцеловать». Поцелует, а в это время быстро оглядит весь стол и все, что на нем, и уйдет. Минуты через три является опять и кричит: «А папу-то и забыла поцеловать!» Затем еще приходит иногда поцеловать «щечку», потом «забыла другую» и т.д., пока не выгонишь.

Другое дитя, желая выпросить конфет или получить что-либо другое приятное, говорит: «для маленького братца».

Эта детская лукавость есть шаг ко лжи, это такая наклонная плоскость, по которой чрезвычайно легко скатиться к прямому настоящему обману и настоящей лжи. Дитяте запрещено известное действие, а оно его нарушает, нарушает прямо и решительно, только прикрываясь более или менее остроумным предлогом. Само дитя очень хорошо знает, что это только предлог, и родители хорошо это знают, а между тем допускают нарушение запрещения. Тогда нечего уже и запрещать. Притом и ложь может быть благовидна, прилична, лгун может быть формально правым.

Дальнейший шаг к формальной лжи делают дети тогда, когда они фактически нарушают запрещение, обманывают родителей и воспитателей, но не говорят об этом сами, а родители, не зная о нарушении запрещения, не спрашивают о нем дитя. В таких случаях есть фактическая ложь, но еще нет лжи словесной. Может быть, ее и не будет совсем, может быть, у дитяти не хватит духу открыто, в глаза, солгать родителям, когда они спросят об этом. Есть разница в положении: ложь фактическая с умалчиванием о содеянном, и ложь словесная, заключающаяся в решительном отрицании факта. Вторая ложь сильнее, полнее и бессовестнее первой; первая ложь свидетельствует за присутствие чувства стыдливости, неловкости от содеянного преступления, за нежелание говорить и вспоминать о том, что было.

Весьма полезно было бы родителям обращать тщательное внимание на такое состояние детей, на фактически обман родителей, при нежелании закрепить его ложью на словах, т.е. отрицанием факта. Не нужно ловить дитя в таких случаях на его недомолвках, путанице, не нужно вынуждать полного и отчетливого изложения дела. Червячок еще шевелится в глубине детского сознания, внутреннее недовольство фактической ложью есть. Нужно пощадить дитя, нужно нежно дотронуться до его взволнованного чувства, не усиливать горечи состояния, не беречь раны. Доверие не должно быть отнято от дитяти, и родители

Взрослый должен выражать свое негативное отношение ко лжи

пусть одобряют дитя за то, что оно, нарушив приказание, не решилось лгать.

Как скоро что-либо запрещено дитяте, необходимо тщательно следить, чтобы запрещение исполнялось. Если дитя будет лгать, нужно вскрывать его ложь и предупреждать пользование ее результатами. Для чего дитя начинает лгать? Для того, чтобы доставить себе запрещенное удовольствие. Если сделать так, что ложь не приведет к цели — получению удовольствия, то стремление лгать пропадет. Зачем же лгать бесцельно? Нет причин. Но вся беда в том, что ложь очень часто совершается после пользования запрещенным удовольствием, для сокрытия этого беззаконного пользования. Следовательно, нельзя предупредить удовольствие, получаемое посредством лжи. Конечно, раз удовольствие получено, его вернуть невозможно; но если ложь обнаруживается, то это дает воспитателю возможность принять меры против получения дитятей запрещенного удовольствия на будущее время. Нужно будет усвоить настойчивость на выполнение дитятей нарушенного запрещения и бдительность по наблюдению за выполнением его. Отнять у дитяти плоды лжи — дело чрезвычайной важности, так как этим мы обессилим ложь в самом корне. Отнятие плодов лжи в деле борьбы с нею гораздо важнее, нежели строгие меры, увещания, теоретические разъяснения вреда лжи и т.п. Если мы сделаем ложь бесполезной для детей, то детям не для чего будет лгать. В отношении к детской лжи нужно держаться того золотого правила, которое рекомендует баснописец по отношению к собаке, воровавшей из кухни куски:

— Ее ты меньше бей,

— А краденый кусок ты отнимай у ней.

Б.

Следует уменьшить детский страх

Развитие детской лжи обусловливается, главным образом, страхом. Следовательно, если мы желаем воспрепятствовать развитию детской лжи, то должны уменьшить детский страх, а еще лучше совсем изгнать его из воспитания. Но можно ли обойтись при воспитании детей без страха?

Воспитание без устрашения, конечно, вполне возможно. Летурно в своей книге «Эволюция воспитания» сообщает, что арабы воспитывают своих лошадей без побоев, лаской, и получают прекраснейшие результаты; что между дикими племенами есть такие, которые никогда не наказывают своих детей — и их дети вырастают нисколько не хуже много битых. А воспитывать без побоев, лаской, и значит изгнать из воспитания страх.

Труднее обходиться без мотива устрашения при общественном школьном воспитании, чем при семейном. В школе собирается очень много детей совершенно различных, преподавателям и воспитателям совершенно неизвестных. Учебно-воспитательный персонал школ обыкновенно мал по сравнению с числом учащихся; сердечных отношений, душевной теплоты между учащими и учащимися нет. При таких условиях учителям и воспитателям трудно удержаться от мотива страха в большей или меньшей мере, в той или другой форме.

Совсем иные условия представляет семья. Воспитывающихся в ней очень мало, они постоянно на глазах, каждый шаг их, каждое душевное движение известны; отношения взрослых к детям проникнуты любовью, самым сердечным участием. Родители всегда готовы даже приносить большие или меньшие жертвы ради своих детей. К чему же здесь страх? Очевидно, он в семейном воспитании есть результат какого-то недоразумения.

Главная причина применения чувства страха в семейном воспитании заключается в удобстве и легкости этого средства для воспитателей. Запретить, пригрозить наказанием за нарушение запрещения и наказать — это так просто и легко. Дети, несомненно, будут бояться наказаний, особенно жестоких, и или не будут нарушать запрещений, или будут скрывать их и отчаянно лгать. Без страха дело будет труднее: нужно тщательно следить за детьми, быть терпеливыми в обращении с ними, не довольствоваться их обещаниями, словами, наружным согласием, а проникать в их душу, убеждать, вызывать внутреннее настроение, которое вело бы к соответствующим поступкам. Для такого отношения к детям нужно знание детей, их постоянное наблюдение, терпеливое обхождение с ними, нужно, наконец, время. Разумное воспитание детей в семье требует значительной затраты сил, времени и предполагает знания и постоянное наблюдение детей. Воспитание посредством устрашения ничего этого не требует: пострадал и исполнил свою угрозу — вот и все, ни времени не нужно много тратить, ни сил, ни знаний. Поколотить, высечь ребенка — это доступно каждому взрослому, даже самому невежественному. Поэтому, можно наблюдать, как у целых народов, так и в отдельных семьях, что, по мере образования, воспитание посредством страха сокращается все более и более, заменяясь воспитанием посредством любви, доверия, уважения и знания. Ныне есть уже достаточное число семейств, в которых чувство страха, как воспитательное начало, не имеет применения в пределах семьи.

Ребенок должен ценить правдивость
и быть мужественным

Одновременно с устранением чувства страха, как основы
воспитания, воспитателям нужно заботиться еще о разви-

тии мужества и бодрости в детях. Дело в том, что дети, по слабости своих сил и недостаточности знаний об окружающих явлениях, легко становятся добычей страха. Если изгнать из воспитания страх, как основу, то все же останется много страшного для детей, что будет делать их вообще пугливыми, слабыми и вместе склонными к лжи. Лгун, по большей части, в каком-либо отношении слабый человек и лжет по трусости, слабости, лени и т.п. Если мы представим себе существо сильное во всех отношениях, то, размыслив о способе деятельности такого существа, должны будем признать, что ложь ему совершенно чужда, что лицемерить, притворяться, надевать личину ему решительно нет никаких побуждений. Чтобы получить какое-либо желаемое удовольствие, ему не нужно идти к нему окольными путями, вилять, прикидываться; его удовольствия никто у него не отнимет и запретить ему не может. Львы, орлы, могучие властелины обыкновенно не хитрят и тем более не лгут, они могут быть насильниками и мучителями, но не лжецами. Ложь есть спутник физической и нравственной слабости. Поэтому воспитание бодрости и мужества в ребенке есть существенное средство против развития в нем лживости. При воспитании же бодрости нужно иметь в виду развитие физической силы и мужества гигиенической обстановкой и рядом соответствующих физических упражнений и развитие нравственно-умственной силы и нравственного мужества. Физическая сила и энергия служат основой нравственной силы и нравственного мужества. Человек начинает жить преимущественно как физическое существо, и первые его страхи, первые радости и печали преимущественно физического характера. В играх с товарищами слабенький терпит от товарищей, в занятиях в разных упражнениях он будет уступать товарищам по недостатку физических сил. Все это заложит основу в его душе для подавленного, приниженного настроения, недоверия к себе, зависти к товарищам и пугливости. А такое настроение и есть прямой источник лжи и враг мужества.

Нравственное мужество должно
быть высшей ценностью

Что касается насаждения в детях нравственного мужества, то нужно сознаться, что заботы об этом весьма слабы в современных семьях. О знаниях детей заботятся много, особенно о знании языков; о детском здоровье хлопочут меньше, оно само собой придет; о развитии нравственного мужества почти совсем не заботятся, даже плохо сознают потребность в нем, его важность для нравственного всестороннего развития детской личности. Это видно из того, что в семьях широко процветает и усердно поощряется свойство, прямо противоположное нравственному мужеству, имен-

но — подлаживание к другим. Оно соединено с более или менее тонкою лестью к окружающим, и потому нравится взрослым.

Когда подлаживается взрослый к другому взрослому и потому лжет, он хорошо знает, что делает, т.е. что он надевает на себя личину. Его личность уже сложилась, взгляды и вкусы определились, и если он отказывается от них, от своей личности, то только временно, пока на глазах. С самим собой он тот же, прежний, и, может быть, даже смеется в душе над тем, к кому подлаживается. Прошла необходимость подлаживания, и он высказывается и действует искренно. Гораздо глубже и вреднее подлаживание влияет на детей.

Их личность еще не сложилась, их вкусы не определились. Подлаживаясь к другим, они гораздо больше проникаются взглядами других, больше поддаются их воздействию, чем взрослые. Та личина, которую дети, часто не отдавая себе в том отчета, надевают на себя, как бы прирастает к ним и мешает правильному складу их собственной своеобразной духовной личности. В личность ребенка властно входит другая, чуждая более или менее, личность, живет в ней и действует. При таком положении дела, очевидно, не до нравственного мужества. Последнее есть не что иное, как выражение своеобразной человеческой личности, ее особенных качеств, вкусов и взглядов при всяких обстоятельствах; подлаживание же есть отказ от собственной личности, на более или менее продолжительное время, более или менее частое, причем к детям прилипает многое от других личностей. Нравственное мужество и подлаживание — взаимно исключаящие одно другое свойства.

Ребенок должен спокойно перенести те неприятности, которые последуют за открытым поведением

При воспитании нравственного мужества в детях взрослые должны отказаться от того удовольствия, которое доставляет им подлаживание детей и, напротив, быть готовыми спокойно перенести те неприятности, которые можно испытать в подобных случаях. Дитя легко может заметить непоследовательность в родительских действиях, большее или меньшее отклонение их от тех начал, которые обыкновенно выставляются родителями; оно может заметить некоторое пристрастие и несправедливость родителей и других взрослых в отношении к различным лицам; оно может признавать неправильными разные суждения и мнения родителей. Дети весьма экспансивны. Замечая что-либо, по их мнению, неладное, они, если не боятся вызвать недовольство взрослых, прямо высказываются; не таят в себе затронувшее их впечатление. Очень часто на такие суждения детей родители отвечают выражением своего неудовольствия и нотацией не совать свой нос туда, куда не просят.

Как скоро дети замечают, что результатом их правдивости и чистосердечия бывает неудовольствие родителей и даже, может быть, прямое лишение какого-либо обещанного или привычного удовольствия, они начинают скрывать, задерживать свои порывы чистосердечия и откровенной правдивости, начинают сначала говорить и да и нет, когда нужно сказать да, а потом и прямо нет. Наука подлаживания, притворства и лжи приносит свои плоды, а родители при этом еще нередко любят гибкостью детского ума, способностью детей выпутываться из затруднительных обстоятельств.

Таким образом, дело отучения детей от лжи находится в тесной связи с развитием правдивости взрослых, с нравственным оздоровлением общественной среды. Встречая в своей жизни, в порядке своей деятельности и отношений, страх и подлаживание, как мотивы поступков, взрослые естественно будут находить эти мотивы неизбежными и в жизни детей. Следовательно, для того, чтобы искоренить ложь у детей, взрослые должны в значительной степени улучшиться сами и улучшить порядки своей жизни. Не нужно забывать, что дети на каждом шагу видят примеры лжи, что во лжи тонут и они, и взрослые. Общественная среда проникнута ложью, показным характером, обманами, притворством. Мы постоянно заботимся о том, чтобы показать себя лучшими, нежели каковы мы на самом деле. Мы вечно притворяемся немножко и слегка обманываем. Мы и самих детей часто обманываем: младенца обманывает кормилица, чтобы его успокоить; дитя обманывает няня, чтобы отклонить его от какого-либо неудобного желания; иногда отец и мать обманывают своих сыновей и дочерей, чтобы не дать им, под благовидным предлогом, того, что они просят законно, но исполнение чего родителям не совсем удобно; наконец, детей обманывают окружающие взрослые и знакомые, чтобы позабавить их, повеселить и их, и себя. При таком обилии лжи и обмана, допускаемых взрослыми по отношению к детям, как же искоренять у них ложь?

Нельзя учить детей лжи

Взрослые даже прямо иногда, а иногда косвенно учат детей лгать. Они прямо приказывают детям, что если придет такой-то или такая-то, или придет кто бы ни было в такой-то час, то говорить, что их нет дома, хотя на самом деле они дома; что при гостях не нужно дурно отзываться о знакомых, особенно же о самих гостях, хотя непохвальные отзывы и были бы справедливы; что в гостях нельзя жаловаться на недостатки поданной пищи, мебели, порядков, а, напротив, нужно хвалить все; что себя нужно постоянно выказывать умным, добрым, знающим, любезным, хотя бы обстоятельства и были совсем не таковы, чтобы пробуждать в нас указанные настроения. Жиз-

ненная мудрость, которой с пеленок взрослые учат детей, на 9/10 есть ложь и обман, лицемерие и эгоистический расчет. Этим-то высоким добродетелям и учат взрослые детей.

Таким образом, маленький педагогический вопрос о борьбе с детской ложью крепкими нитями связывается с большими вопросами, касающимися взрослых, именно о нравственном усовершенствовании взрослых и об улучшении порядков их жизни и общественных отношений.

К этим общим замечаниям считаем нелишним прибавить несколько частных.

Не нужно лениться проверять с детьми то, о чем они говорят.

Ложь теоретическая и даже сознательная близка ребенку потому, что его восприятия часто не точны, равно как и его речь. Дитя слишком склонно к преувеличению, к примеси субъективного впечатления к самому факту; оно слишком быстро переходит от предмета к предмету и не замечает с достаточною отчетливостью их отличительных свойств. Для устранения лжи из всех подобных источников, для внушения дитяте надлежащего почтения к истине и разъяснения, как легко, при невнимательности, нарушить ее требования, нужно проверять детские рассказы, описания и суждения и указывать, где и как дитя отклонилось от истины. Дитя рассказывает, что на прогулке в лесу видело чрезвычайно высокое дерево, в 2—3 раза выше вашего дома — пойдем, проверим, действительно ли так высоко дерево. Дитя передает, что встретило на лужайке необычайно красивые цветочки такой-то формы, цвета, величины — проверим, насколько правильно описание. Дитя сообщает случай, бывший с одним из товарищей, когда они играли вместе. Спросим других участников и их показаниями проверим точность сообщения факта. Все подобные упражнения будут приучать дитя к точности усвоения и передачи, покажут ему, как много мы искажаем истину по лени, небрежности, по личным пристрастиям и настроению, словом, как близка к нам ложь.

В борьбе с детской ложью нужно обратить особенное внимание еще на один частный вид лжи — ложь по благородным побуждениям: по любви, жалости, чувству чести и т.п. Ложь, оставаясь ложью по существу, может иметь весьма различное нравственное значение. Один лжет, чтобы доставить себе какое-либо удовольствие или избежать какой-либо неприятности. Своею ложью он никому не вредит, он только обманывает то лицо, которому лжет. Другой лжет, клеветая на товарища, сваливая на него свою вину и даже наслаждаясь его затруднительным положением. Первый вид лжи, конечно, печален, но весьма обыкновенен; второй вид лжи несравненно злокачественнее, вред-

«Святая ложь» в ее высоком нравственном значении

нее, опаснее, так как легко может вызвать изобличение, а потому и реже. А то бывает ложь ради спасения другого от беды, ложь добродетельная, по нравственным побуждениям. Дети удивляются сильным мальчикам, которые вину слабых принимают на себя и должным сознанием навлекают на себя наказание, или девочкам, которые, будучи любимицами своих родителей или учителей, выручают своих менее счастливых подруг в затруднительных случаях. Дети гораздо глубже и лучше чувствуют героизм самопожертвования, чем возвышенность истины. Некоторые дети объявляли, например, что они сказали бы, что их мать ушла, хотя бы она и была дома, если бы они этим могли спасти ей жизнь. Они представляли эту возможность в драматической форме, причем прибавляли, что в таком случае они поступили бы не вполне согласно истине, но сообразно с своими обязанностями; что они не были бы виновны во лжи, если бы при подобных условиях дело шло об их собственной жизни. Некоторые дети полагали, что врач должен обманывать боязливого больного относительно его опасного положения и говорить, что есть надежда на выздоровление, когда он убежден в противном.

Правдивость и лживость

Вообще у большинства детей правдивость много зависит от личного расположения или нерасположения. Некоторые дети не признают несправедливости во лжи, сказанной ради родителей или друзей, упрямо настаивая на самой смелой лжи. Мальчики упорно настаивают на лжи в случае предварительного общего условия и уговора, что девочки делают редко. Они легче выдают своих подруг, потому что, все равно, говорят они, «дело обнаружится», «кто-нибудь проболтается». Дети не обманывают учителя, которого любят. Между детьми часто завязывается дружба, сопровождаемая безусловным доверием и скрепляемая молчанием, но и доверие, и молчание исчезают вместе с склонностью. Чужим детям, назойливым и особенно доносчикам, товарищи на совершенно определенные вопросы отказываются отвечать, ссылаясь на незнание. Врагов они часто стараются победить прямо ложью. «Истина для друзей и ложь для врагов» — так исповедуют дети, и это, не особенно вообще нравственное, правило столько же распространено в детском мире, как и между взрослыми.

В детстве у человека своя правда и своя ложь

Ко лжи детей по благородным побуждениям нужно относиться с особенной осмотрительностью. Нужно помнить, что дети понимают истину по-своему, что у них своя правда и своя ложь, и что они лишь постепенно могут проникаться общечеловеческими идеалами. Если дети отступают от идеала истины взрослых, но не отступают от собственного идеала, это не значит что они лгут. Это значит, что

у дитяти и взрослого две мерки истинного, и дитя нельзя обвинять и карать за то, что оно, будучи дитятей, все меряет на свой детский аршин, судит и рядит обо всем, как дитя, а не как взрослый. Иначе и быть не может. Здесь мы встречаемся с законами естества, а не с ложью.

Точно так же нужно быть снисходительными, когда мы встречаем у детей зависимость истинности суждений от чувства любви, от расположения или нерасположения к человеку. От такой субъективной примеси в своих суждениях дети могут освободиться только с большой постепенностью, сразу требовать от них объективной истины невозможно. Не забудем, что и взрослые, волею и неволею, сознательно и бессознательно, часто подчиняют свои суждения влиянию своих симпатических или несимпатических чувствований и настроений к лицам, классам, сословиям, народностям, взглядам, теориям, общественным направлениям и т.п.

Дети требуют внимания и чуткости

Вообще, не следует стремиться как можно быстрее перевести детей от их детских воззрений на ложь и правду к воззрениям взрослых на истинность и с этой целью постоянно привлекать детское внимание к фактам нравственной жизни, обсуждать их и анализировать. Такие усиленные этические расследования легко могут вызвать болезненное этическое самосознание и преждевременную этическую зрелость, могут сделать детей казуистами, которые будут серьезно рассуждать и спорить о великих нравственных силах человека. У некоторых детей совестьливость бывает настолько болезненно чувствительна, что к каждому ответу, даже к простому да и нет, такие дети присоединяют ограничение: «я думаю» или «может быть», часто в уме, шепотом, а иногда и громко. Определенного ответа без всякого ограничения нельзя от них получить никакими средствами. Один мальчик, который любил рассказывать волшебные истории, сообщил, что лишь только он оставался один, как сотни раз повторял слово «нет» в слабой надежде, что оно будет отмечено в небесном списке его многих неистинных рассказов, чтобы очистить его в прошлом и будущем и уничтожить его вину. Другой долгое время боялся, как бы ему не упасть мертвым, подобно Анании и Сапфире, за какую-либо возможную и, может быть, несознательную неправдивость. Такое моральное суеверие бывает в большинстве случаев непродолжительно, так как оно чуждо детской природе, и легко проходит само собой. Если же оно оказывается продолжительным, то ведет к моральной софистике и крайней разборчивости в словах.

Каптерев П.Ф. О детской лжи //Русская школа. — СПб, 1890. — С. 63—95.